

О ЧЕЛОВЕКЕ.

Когда вглядываешься в 35-летнюю литературную деятельность М. Горького, то поражаешься одной чертой, которая с некоторыми вариациями присуща его миросозерцанию. В центре его внимания всегда человеческая личность, со всеми смертными грехами и недостатками, но в то же время — личность смелая, гордая, творческая. В произведениях Горького всюду слышится гимн Человеку, этому смелому творцу жизни, бесстрашному искателю истины. Человек у Горького отличен от людей, которых он превосходит своими сильными качествами. Недаром он его пишет с большой буквы. Но здесь нет голого индивидуализма, нищенской сверхчеловечности. Человек берется в большинстве случаев в социальном окружении. Мысли и чувства Человека направлены на искоренение зла жизни, на создание лучших, свободных условий человеческой жизни.

Насколько близка и дорога Горькому эта мысль, это мы видим хотя бы по аллегорическому рассказу «Человек» (1913 г.). «Я вижу, пишет Горький, его гордое чело и смелые, глубокие глаза и в них — лучи бесстрашной, мощной мысли». Этот величественный Человек проходит тернистый путь жизни, преодолевая все лишения с горячим желанием — «опрокинуть, разрушить, растоптать все старое, все тесное и грязное, все злое — и новое создать на выкованных мыслях незыблемых устоях свободы, красоты и уважения к людям». У горьковского Человека имеется и другое, сильное желание — «чтоб каждый из людей был Человеком». «Все в человеке, и все — для человека», — так формулирует свою задушевную мысль Горький и ведет своего Человека под повторяющийся припев — «вперед, и выше! все вперед — и выше!»

Любопытно, что почти в тех же самых выражениях эту мысль повторя-

ет и Сатин, один из действующих лиц «На дне»: «Все в человеке, все для человека; существует только человек: все же остальное — дело рук и его мозга. Человек, говорит Сатин, это великолепно, это звучит... гордо».

Такова уже душевная организация Горького, такова уже его настроенность, что он при всяком случае, всегда находит и старается выявить свою любовь к смелому, независимому Человеку. Взять хотя бы самый первый рассказ, как раз юбилейный «Макар Чудра» (1892 г.). Здесь старый цыган рассказывает повесть о красавце-певуне Лойко Зобаре и гордой Радде. Горький любит поединком, который разыгрывается между их любовью и гордым чувством независимости. Ни тот, ни другой не хотят подчиниться, потерять свою волю, и в результате столкновения — смерть обоих. Рассказ вставлен в красивую рамку природы и моря и заканчивается следующими словами: «Усиливался дождь, и море распевало мрачный и торжественный гимн гордой паре красавцев цыган... А они оба кружились во тьме ночи, плавно и безмолвно и никак не мог красавец-певец Лойко побороться с гордой Раддой».

Вслед за Лойкой идет целая серия таких же смелых, тревожных типов: тут и Челкаш, и Малыга, тут Ковалов и Варенька Олесова, тут и Озорник и мелник Тихон Павлович из «Тошки». Апофеозом смелости и силы являются две аллегии: «Песнь о Соколе» и «Песня Буревестника». «Безумство храбрых — вот мудрость жизни», «Безумству храбрых поем мы славу», — так заканчивает Горький «Песнь о Соколе». — А горящее сердце Данко, которым освещался тернистый путь народа, является лучшим символом для Человека, самоотверженно работающего для своих собратьев-людей («Старуха Изергиль»).

Если же взять последующий период творчества Горького, взять Фому Гордеева, Илью Лулева (Трое), Матвея Кожемякина, Матвея из «Исповеди» или кого-нибудь из последних произведений, например, Савела («Отшельник»), то хотя в них и нет налета прежней романтичности, но на их лицах лежит печать оригинальности, талантливости, творческой силы; все они проникнуты исканием истины, деятельной тоской по лучшей жизни. Не кто иной, как надгробный Фома Гордеев бросает свой упрек буржуазии, всем этим Малкиным, спрашивая их: «Что вы сделали? Не жизнь вы сделали.—тюрьму». То же самое почти говорит и Илья Лулев:—«Я порядочной жизни искал, чисто... нигде нет. Только сам испортился». Матвей Кожемякин—этот окурковский обыватель, приветствует приход революции 1905 года и призывает своих сограждан послушаться новых молодых людей, которые знают правду и приведут к добру.

Если рассмотренные типы были беспокойными индивидуалистами, тоскующими по лучшей жизни, то уже Павел Власов («Мать»), являясь смелой, творческой личностью, представляет из себя человека, тесно связанного с рабочим классом и своей партией. На суде он беспощадно вскрывает язвы капиталистического общества и самодержавного строя и бросает судьям одну пощечину за другой, говоря: «Все, что делаете вы, преступно, ибо направлено к прорабощению людей; наша работа освобождает мир от призраков и чудовищ, рожденных вашей ложью, злобой, жадностью, чудовищ, запугавших народ».

И не только в художественных произведениях, но и в своих заметках, статьях—Горький всегда является страстным протестантом против уродливых явлений жизни, мешающих человечеству идти вперед, к освобождению; всегда раздается призыв Горького к бодрости, к социальному творчеству. Вот почему он так горячо выступал против Достоевщины, Толстовства, против нашей пассивности, азиатчины и квинтизма. Все это подавляет волю человека, все это ставит человека в приниженное положение, тогда как он должен быть смел и горд.

Теперь нам становится понятным, почему Горький, рисуя портрет вождя пролетарской революции тов. В. И. Ленина, заканчивает характеристику его следующими словами: «Владимир Ленин большой, настоящий Человек мира сего—умер. Эта смерть очень больно ударила по сердцам тех людей, кто знал его, очень больно... И не было человека, который, как этот, действительно, заслужил в мире вечную память». Во Влад. Ильиче Ленине Горький нашел живое воплощение тех черт, которые присущи его воображаемому Человеку.

Наблюдая издали за тем, что делается у нас, в Советском Союзе, он в недавних своих «Записках читателя», на 35-летнем году своей литературной деятельности возвращается все к той же теме и приходит в удивление, радуется при виде широкого творчества народных масс — рабочих и крестьян: «Несмотря на тяжелые условия и вопреки им, творческая мощь России быстро растет».